

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПАССИВА В НЕМЕЦКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

СИГИТАС ПЛАУШИНАЙТИС

Категория залога, как известно, является одной из сложнейших категорий глагола. Названия членов оппозиции этой категории — актив и пассив — идут от традиционного описания категории залога, согласно которому форма актива, или действительного залога, показывает, что подлежащее активно, т.е. является производителем действия, субъектом: (1a) Tėvas myli sūnų. (1b) Der Vater liebt den Sohn, — а форма пассива или страдательного залога показывает¹, что подлежащее пассивно, не действует, является предметом, подвергающимся действию: (2a) Sūnus mylimas tėvo. (2b) Der Sohn wird von dem Vater geliebt. Нетрудно заметить, что при таком понимании залог имеет место только при переходных глаголах. Это и естественно, поскольку данное определение создавалось именно на основе переходных глаголов. Но одновременно почти во всех грамматиках немецкого и литовского языков указывается на существование пассивных форм непереходных глаголов, где отсутствует объект действия и, следовательно, в пассивной конструкции² не может быть подлежащего, и нельзя говорить о его характеристике по отношению к действию: (3a) Visuos kiemuos buvo žokama (3b) In allen Höfen wurde getanzt. Если быть последовательным, то ПК непереходных глаголов или нельзя признать пассивными, так как здесь отсутствует „пассивное значение“, т.е. нет пассивного подлежащего, или если все-таки их признавать пассивными, то надо найти другое, более общее объяснение для пар типа (2a, b) и (3a, b). Обычно бесподлежащие ПК приводятся в работах как ПК, не имеющие обычного пассивного значения [Admoni, 1966, S. 180; Schmidt, 1967, S. 203; Lietuvių..., 1971, p. 51; Paulauskienė, 1979, p. 86, 109], или о них вообще не упоминается [Крушельницкая, 1961, с. 160–172].

¹ Хотя говорится об активной или пассивной форме глагола, в качестве примеров приводятся активные или пассивные конструкции, под которыми понимаются предложения, содержащие в своем составе активную или пассивную форму глагола.

² Далее употребляются сокращения: пассивная конструкция — ПК; активная конструкция — АК.

Существуют и другие подходы к залогу. К пассиву можно подойти с чисто формальной стороны. Так это делает, напр., Я. Свартвик, определяя пассив как комбинацию вспомогательного глагола *be* с *past participle* [Daneš, 1976, S. 113]. Синтаксические конструкции, имеющие данную глагольную форму, подвергаются далее семантическому анализу, который приводит к выделению разных значений. Другие конструкции с теми же или сходными значениями не относятся к пассиву, а называются его синтаксическими вариантами, конкурирующими формами и т.д.³

Противоположным формальному подходу является семантический подход к пассиву. Исходным пунктом в этом случае является общее значение пассивности. Такой подход ведет к образованию полевых структур [Озеров, 1971], грамматико-лексических полей [Гулыга, Шендельс, 1969], функционально-семантических полей [Бондарко, 1967, с. 18–31] или к образованию пассивной перспективы [Daneš, 1976, S. 112]. Морфологический пассив является в таком случае лишь одним из множества других формальных средств, применяемых для выражения пассивного поля в разных языках. В рамках этих теорий не поднимается вопрос о пассивных формах интранзитивных глаголов.

В последнее время группой структурной типологии Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР под руководством проф. А. А. Холодовича было создано универсальное определение залога как синтаксической категории. Это определение вытекает из понятия диатезы как соответствия между элементами семантического и синтаксического уровней [Холодович, 1979, с. 284]. Пассивными при таком подходе следует считать конструкции, в которых нарушено соответствие подлежащее – субъект, свойственное исходным АК. Напр., если в исходной АК семантический субъект является одновременно синтаксическим подлежащим, (4a) *Čia dažnai šoka jaunimas*. (4b) *Hier tanzt oft die Jugend*, то производная ПК сигнализирует об отсутствии такого соответствия: (5a) *Čia dažnai (jaunimo) šokama*. (5b) *Hier wird oft (von der Jugend) getanzt*. Эта теория имеет то преимущество, что позволяет охватить пассив и транзитивных, и интранзитивных глаголов. Пассивная форма глагола является, таким образом, главным формальным маркером ПК, под которой понимается, как упоминалось, предложение, сказуемое которого выражено пассивной формой глагола. В дальнейшем речь пойдет лишь о значении именно ПК, так как только в составе конструкций пассивная форма способна выполнять свои функции.

После всего сказанного нам представляется, что значением ПК следует считать не выражение отношений между действием и подлежащим, ибо ПК

³ Таких синтаксических вариантов пассива в немецком языке насчитывается около 60 [ср.: Драганова, 1976, с. 3].

образуются и от непереходных глаголов, и тогда они бесподлежащны, а создаваемую ими возможность такого строения предложения, в котором нарушается соответствие субъект – подлежащее. Обозначение грамматической формой пассива того, что субъект ситуации не является подлежащим предложения, и будет главным „значением“ или функцией пассивных форм сопоставляемых языков.

На основе сказанного ПК в немецком языке можно считать все конструкции, которые содержат сочетание вспомогательного глагола werden с причастием II основного глагола и которые могут быть противопоставлены АК с тем же самым глаголом.

Аналогично тому в литовском языке пассивными считаются конструкции, содержащие сочетание глагола būti и пассивного причастия настоящего или прошедшего времени (Pm; Pt), которые могут быть противопоставлены АК с тем же глаголом.

Такое понимание пассива не ограничивается вербальной формой, не учитывает, с одной стороны, ее связь с активом (трансформационные отношения), а с другой – с иными компонентами предложения (синтагматические отношения). Изолированная форма недостаточна для изучения. Только когда принимается во внимание окружение пассивной формы и отношение с активом, можно охватить ее семантику [Admoni, 1966, S. 178–179].

На данном этапе сопоставления речь пойдет только о процессуальном пассиве или пассиве действия. Задачей настоящей статьи является краткое описание ПК с werden в немецком языке и соответственного процессуального пассива в литовском языке с целью выявления их основных функций в каждом языке отдельно и их сопоставления между собой. Необходимо заметить, что работы, посвященные выявлению значений или функций ПК и в немецком, и в литовском языках, уже имеются. В настоящей статье предпринимается попытка более четко, исходя из единого принципа, разграничить, выявить эти значения с целью их сопоставления. Мы опираемся в основном на исследование немецких ПК в диссертации Г. Тремпельман [Trempelmann, 1973] и на исследование литовских ПК в кандидатской диссертации Э. Ш. Генюшене [Генюшене, 1973], поскольку обе работы основываются на сходных теоретических положениях, анализируют употребление пассива в текстах современной художественной литературы и содержат сопоставимые статистические характеристики ПК по одним и тем же признакам.

I. Пассив действия в немецком языке

Процессуальный пассив является важной и довольно широко распространенной грамматической формой современного немецкого языка. Напр., в художественной литературе пассивные формы с werden составляют 2% всех

глагольных форм, в научной литературе их число достигает 11%. Известно, что не от всех глаголов может быть образована и употребляется форма пассива. Основную роль здесь играет переходность/непереходность глагола. Не будем останавливаться на различного рода ограничениях, так как это не является целью данной статьи⁴.

По признакам наличия или отсутствия в предложениях с пассивной глагольной формой подлежащего и агентивного дополнения устанавливаются три функциональных типа ПК: трехчленные ПК с подлежащим, пассивной глагольной формой и агентивным дополнением типа (6) *Das Haus wird von den Arbeitern gebaut*; двучленные с подлежащим и пассивной глагольной формой типа (7) *Das Haus wird gebaut* и одночленные ПК типа (8) *Hier wird gebaut*.

Последние называются еще бесподлежащими или безличными, они образуются в большинстве случаев от непереходных глаголов и иногда даже могут употребляться с агентивным дополнением. Первые два функциональных типа ПК образуются от прямо-переходных глаголов.

Разные второстепенные слова (разного типа обстоятельства) при установлении того или иного функционального типа ПК во внимание не принимаются.

Трехчленные пассивные конструкции могут быть образованы от большинства транзитивных глаголов. Исторически они являются продуктом дальнейшего развития двучленной пассивной формы [Гухман, 1954, с. 137–138]. Хотя трехчленные ПК составляют 17% от всех пассивных конструкций с *werden*, существует мнение, будто они чужды немецкому языку. Недооценка страдательного залога вообще и трехчленного пассива частично является в значительной мере следствием теории обратимости (*Umkehrtheorie*), согласно которой страдательные и действительные конструкции признавались тождественными и взаимозаменяемыми [Бернер, 1962, с. 246–248; Admoni, 1966, S. 178–179].

Чтобы лучше разобраться в значении трехчленных ПК, представляется целесообразным синтактико-семантический анализ.

Проанализируем одну трехчленную ПК: *Berlin wurde von Unternehmern errichtet, in aller Eile*. Вербальная форма обозначает действие, первая субстантивная величина *Berlin* является целью действия — пациенсом, а вторая — *von Unternehmern* — исполняющим действие, агенсом. Но такое семантическое описание явно недостаточно, поскольку и соответствующая АК передает такое же содержание, ср.: *Berlin haben die Unternehmer errichtet*. ПК и АК отличаются не по семантическим отношениям, а только по формально струк-

⁴ Все ограничения на образование пассива очень хорошо представлены в работе Helbig, Heinrich [1972, S. 22–25].

турным признакам. Может возникнуть мысль, что данные конструкции – абсолютные синонимы. Но это не так. Разница в значении невелика, но она существует и ее необходимо выяснить. По-видимому, для значения синтаксических структур существенно, как содержательные элементы расположены в предложении и какое обстоятельство влияет на это расположение. Важным является тот факт, что подлежащее, будучи главным членом предложения, обычно называет величину, о которой делается сообщение, независимо от того, выступает ли эта величина как агенс (актив) или является целью действия (пассив). Для коммуникации упомянутый факт имеет большое значение, так как с помощью пассива величина, называющая цель действия, из-за структурного значения подлежащего приобретает другое коммуникативное значение, и оно становится центром высказывания. Таким образом, отношения, существующие в объективной действительности, получают по сравнению с активом новую акцентировку. Подлежащее Berlin характеризуется и как цель действия, и как центр высказывания. Первое значение соответствует реальному положению вещей, а второе является следствием употребления пассива. Как показывает исследование Г. И. Бернер, в 80–90 % случаев употребления трехчленной ПК пациенс-подлежащее имеет коммуникативную нагрузку данного, а агенс – нового, между тем как в действительных конструкциях агенс чаще всего бывает данным, а пациенс – новым [Бернер, 1962, с. 250]. Разумеется, это становится ясно не из отдельно взятой трехчленной ПК, а только в связи ее с контекстом. Так и в нашем примере Berlin является косвенно доминированным⁶, а von Unternehmen – новым. Постановка агенса-нового на первое место в АК не соответствует нейтральному стилю речи, признаком которого является в немецком языке, как известно, препозиция данного новому.

Таким образом, страдательный залог, придающий пациенсу форму подлежащего, а агенсу – форму предложного дополнения, позволяет согласовать нормы нейтрального порядка слов с потребностями коммуникативного оформления высказывания, т.е. ставить пациенс-данное перед агенсом-новым. В этом состоит одна из важнейших функций трехчленной ПК, которую можно было бы назвать коммуникативной функцией.

Трехчленная ПК употребляется в немецком языке довольно часто для дифференциации агенса и пациенса при формальном их совпадении из-за недостаточной выразительности падежных окончаний: Scharen werden von Hunden geführt (В. Kellermann).

Ввиду общей тенденции подлежащего предшествовать дополнению последнее может быть в соответствующей АК принято за подлежащее, что при-

⁶ Имя является доминированным, если обозначает предмет (или понятие), уже прямо или косвенно упоминавшийся в тексте, ср.: [Падучева, 1965, с. 287].

вело бы к искажению смысла высказывания. Морфологическую функцию дифференциации агенса и пациенса некоторые лингвисты склонны преувеличивать и видят в ней главную задачу употребления пассива вообще [Gabelentz, 1861; Коленько, 1951, с. 145–146].

Трехчленный пассив употребляется иногда в ситуациях, где существует потребность сохранить один и тот же субъект, напр.: *Thele, Staals Assistent, war durch das Schrillen des Telephons geweckt worden und erschien gähnend in der Tür* (B. Kellermann). Замена его действительным залогом привела бы к превращению простого предложения в сложное. Такое употребление пассива можно было бы назвать синтаксической функцией. Заметим, что в данной функции трехчленный пассив не отличается от двучленного.

Иногда агенс в трехчленной ПК выносится за рамку, как особо важное новое. Можно говорить, что в таком употреблении трехчленный пассив выполняет стилистическую функцию. Ср.: *Wieder zirpte die City of London, aber sie wurde plötzlich übertönt von dem Brummen von Kap Race* (B. Kellermann).

Двучленные пассивные конструкции составляют около 80% от всех ПК с *werden*. Формальными элементами такой конструкции является пассивная глагольная форма и слово в именительном падеже. Действие, выраженное пассивной глагольной формой, направлено на величину, представленную именительным падежом. Величина, исполняющая действие, не названа, но действие все равно производится агенсом, напр.: *Der Leichnam des jungen Heinz war nach Berlin gebracht worden*. Тем временем как в трехчленных ПК агенсом в широком смысле слова выступают и лица, и предметы, в двучленных ПК агенсом почти без исключений имплицитруется лицо. По характеру имплицитруемого агенса все конструкции подразделяются на две группы: конструкции, агенс которых конкретен из контекста, и конструкции, в которых агенс остается неопределенным. Только ПК второй группы могут заменяться действительными неопределенно-личными конструкциями с *man* при потере, разумеется, определенного коммуникативного содержания.

Основной функцией двучленной ПК является ее употребление для перемещения пациенса в начало высказывания в качестве подлежащего. Это подлежащее часто бывает данным, оно доминировано, новое же содержится в сказуемом или в обстоятельствах, ср.: *Direktor Henricki erschien im Palmengarten. Er wurde augenblicklich umringt und mit Fragen bestürmt* (B. Kellermann). Употребление действительного залога привело бы к начальной позиции прямого дополнения. Подобное положение прямого дополнения имеет в современном немецком языке ограниченное распространение и оправдано лишь при подчеркнутом, усиленном смысловом весе дополнения [Адмони, 1973, с. 201]. Но подлежащее в двучленной ПК может быть и новым. Данным тогда будут являться обстоятельства или сказуемые, служащие одновременно средством

связи с контекстом, напр.: Am Vormittag war ein Feuermann ins Hospital geschafft worden (B. Kellermann). Необходимо заметить, что в двучленных ПК в силу их краткости и отсутствия эксплицитно выраженного агенса само действие тоже является более подчеркнутым, чем, напр., в неопределенно-личных конструкциях с *man*.

Так как двучленная ПК употребляется в основном для помещения пациенса как центра высказывания в начальную позицию предложения в качестве подлежащего, что обусловлено коммуникативным заданием высказывания, то такое употребление двучленной ПК будем называть ее коммуникативной функцией.

Коммуникативная функция двучленного пассива не ограничивается выделением пациенса как исходного пункта сообщения. Известную роль играет в определенных случаях потребность выражения сказуемого-нового. Как известно, новое имеет тенденцию занимать последнее место. Страдательный залог, в котором последнее место занимает смысловая часть сказуемого, является поэтому удобным средством выражения сказуемого – цели сообщения в тех случаях, когда употребление действительного залога привело бы к постановке сказуемого на 2-е место в предложении, что не соответствовало бы нормам нейтрального стиля речи, напр.: Er wurde in die Maschine geschoben (B. Kellermann).

Как упоминалось, двучленная ПК, как и трехчленная, может выполнять т.н. синтаксическую функцию, т.е. выступать средством объединения сказуемых в рамках простого предложения, ср.: Otto ist noch immer im Lazarett, wird aber bald entlassen. Замена страдательного залога действительным привела бы к изменению структуры высказывания.

Двучленные ПК выполняют также функцию умолчания агенса. Прежде всего, это случаи употребления т.н. „пассива вежливости“, который больше свойствен деловому и научному стилю речи в связи с несвойственным ему употреблением местоимения 1-го лица единственного числа⁶, ср.: Der Verfasser hofft, daß auch manche sprachliche Erscheinungen, die im Buche nicht erwähnt oder nur gestreift werden, vom Standpunkt der hier dargelegten Gesetzmäßigkeiten... (W. Admoni).

Функцию умолчания агенса двучленные ПК выполняют и в тех случаях, когда они имеют неопределенное, обобщенное значение, напр.: ...noch immer werden täglich Gefangene... zu Tausenden wie Sklaven verschleppt (B. Kellermann). Название агенса привело бы к потере данной конструкцией значения некоторой обобщенности.

⁶ „Пассив вежливости“ или „авторский пассив“ имеет место и при одночленных ПК, ср.: Der Syntax wurde in diesem Buch viel weniger Raum zur Verfügung gestellt als der Morphologie (W. Admoni).

Иногда двучленные ПК могут приобретать значение категориальности – императивности, ср.: Jetzt wird das Zimmer geräumt (B. Kellermann).

Они способны приобретать и медиальное значение, т.е. обозначать процессы, происходящие как будто самопроизвольно. Деятель остается наблюдателю в момент осуществления действия неизвестным. В данном значении они соотносимы не с конструкцией с *man*, а с возвратными конструкциями: die Tür wurde geöffnet = die Tür öffnete sich.

Одночленные пассивные конструкции употребляются в немецком языке сравнительно редко. Они составляют 2,8 % от всех ПК с *werden*. Если в двучленных ПК отсутствует агентивное дополнение, то в одночленных – и подлежащее- пациенс. Это стало возможным в связи с тем, что в одночленных ПК все внимание концентрируется на самом действии, безотносительно к его агенту и пациенсу. Только так можно объяснить появление одночленных ПК и от интранзитивных глаголов, где вообще отсутствует объект действия, напр.: Es wurde furchtbar gekneipt (B. Kellermann). Общим признаком всех одночленных ПК является то, что производителем действия, судя по контексту могут выступать в них только лица. Можно говорить, что одночленный пассив выполняет коммуникативную функцию подчеркивания действия, поскольку это выделение действия диктуется коммуникативными целями контекста. Употребленные в одночленной ПК разные обстоятельства только более конкретизируют это действие в пространстве, во времени или по силе и служат одновременно средством связи с предшествующим контекстом, напр.: Im Jahre 1848 wurde hier gekämpft (B. Kellermann). Пассивная глагольная форма, являясь единственным главным членом предложения, выражает обычно новое, т.е. является главной частью сообщения.

Одночленные ПК встречаются от т.н. косвенно-переходных глаголов, причем наличие обязательного дополнения не меняет основного значения этой конструкции, а только придает действию признак целенаправленности, ср.: noch aber wurde um das Weltmonopol des Plüunders gekämpft (B. Kellermann).

Вследствие того, что такие конструкции все внимание сосредоточивают на действии безотносительно к его исполнителю, они выполняют часто и обобщающую функцию. По признакам конкретность / обобщенность можно выделить несколько нюансов:

1. Конструкция является конкретной: Im selben Augenblick wurde applaudiert (B. Kellermann).

2. Она может быть конкретной и одновременно обобщенной: Tag und Nacht wird ja jetzt gestohlen in Berlin (B. Kellermann).

3. Она может быть обобщенной: Auch rauchen konnte ein Mann anders, als in Filmen geraucht wurde (H. Böll).

Необходимо заметить, что обобщенное значение чаще принимают одночленные ПК без обязательного дополнения.

Одночленные ПК приобретают иногда модальное значение императивности, ср.: „Nein, nein“, sagte sie, „jetzt wird gearbeitet“ (H. Böll).

II. Процессуальный пассив в литовском языке

По данным исследователей, процессуальный пассив в литовской художественной литературе употребляется вдвое реже, чем в немецкой.

Необходимо заметить, что по сравнению с немецким языком литовский пассив не изучался так широко и глубоко. Только в последнее время его изучению было посвящено немало работ⁷. До недавнего времени принималось традиционное определение пассива, предложенное Й. Яблонским, но подходящее только для переходных глаголов [Jablonskis, 1957, p. 300–301]. Однако, как известно, пассив может быть образован почти от всех классов глаголов, даже некоторые безличные глаголы обладают такой способностью, если факультативно сочетаются с субъектом⁸.

По составу, т.е. по наличию или отсутствию агентивного дополнения и подлежащего — объекта действия, конструкции процессуального пассива литовского языка можно делить на трехчленные, двучленные и одночленные. Такое деление соответствует реальному функционированию процессуального пассива в речи.

Трехчленные пассивные конструкции. Как указывается в академической грамматике литовского языка, упомянутые конструкции употребляются довольно редко, так как то же самое содержание можно передать и действительными конструкциями [Lietuvių..., 1971, p. 51]. По данным Э. Ш. Генюшене, употребление трехчленного пассива составляет 6 % всех пассивных конструкций. Рассмотрим одну из них: *Neįstengia nugalėti pagarbos Pauliui..., kuri tvirtai diegiama ir palaikoma tėvų* (M. Sluckis). То же содержание можно формально выразить и АК... *kurią tvirtai diegia ir palaiko tėvai*, но в таком случае подлежащим станет субъект, тогда как в ПК им является имя-объект. Ввиду того, что главные члены предложения имеют в предложении больший вес, чем второстепенные, в ПК более выделенным по смыслу оказывается объект действия и само действие, в то время как субъект, являясь второстепенным членом предложения, играет менее важную роль, хотя он тоже необходим для высказывания.

⁷ В первую очередь, сюда надо отнести названную кандидатскую диссертацию Э. Ш. Генюшене, а также [Jakulienė, 1968; Sirtautas, 1970; Sližienė, 1974] и уже упомянутую книгу А. Паулаускене, в которой много места отводится категории залога и пассиву конкретно.

⁸ О возможностях образования пассива в литовском языке см. подробнее: [Geniusienė, Lötsch, 1974, S. 313–314].

Таким образом, трехчленные ПК выполняют в литовском языке главным образом функцию подчеркивания объекта действия при второстепенной роли агенса. Пассивные формы являются формальным средством преобразования пациенса в центральный, „фокусирующий“ актанта, что определяется его существенностью для конкретного акта коммуникации [Лейкина, 1978, с. 133].

Трехчленные ПК могут выполнять и т.н. синтаксическую функцию. Замена пассивной глагольной формы активной привела бы к преобразованию простого предложения в сложное, следовательно, употребление трехчленного пассива в таких случаях обусловлено стремлением к более компактному построению текста, ср.: *O čia dar nesugriuvusi ir vyriausiojo inžinieriaus globojama* (M. Sluckis).

Двучленные пассивные конструкции в литовском языке довольно употребительны. Они составляют около 76% всех ПК. Исторически такие конструкции, видимо, старше трехчленных. Они имеют в своей структуре только два главных члена предложения, имя подлежащее и сказуемое: *ir Titas suprato – sodyba saugo jama* (R. Šavelis). Различие между двучленной и трехчленной ПК и состоит в отсутствии эксплицитно выраженного агенса в первой. Но действие тем не менее производится агенсом, который в двучленных ПК присутствует имплицитно. Иногда он конкретный, само собой разумеющийся, если уже упоминался в тексте. Такие конструкции денотативно синонимичны определенно-личным АК, ср.: *...nes tam bernui pažadėjo medalį ir didelę valdžią, jei apylinkėje ir Suvainišio girioje bus įvesta tvarka* (R. Šavelis) → *...jei apylinkėje ir Suvainišio girioje (jis) įves tvarką*.

При неизвестном, неопределенном субъекте двучленные ПК синонимичны неопределенно-личным АК, ср.: *Juk tu, Čižikaukai, ieškomas?* (R. Šavelis) → *Juk tavęs, Čižikaukai, ieško?*

При обобщающем значении двучленных ПК они, как правило, не могут быть заменены активными конструкциями, ср.: *Kai jis tai suprato, net žiburys virtuvėje, kur buvo galandami nesantaikos kirviai, sutvisko kaitriau ir patikimiau* (R. Šavelis).

Относительно порядка слов в двучленных ПК нужно сказать, что здесь в подавляющем большинстве случаев (86 %) подлежащее, являясь непосредственно доминированным, предшествует сказуемому, которое является ремой или частью ремы. По наблюдениям Э. Генюшене, примерно в 80 % неопределенно-личных конструкций, частично, денотативно синонимичных двучленным ПК, имеется соответствующий порядок слов: дополнение – тема, сказуемое – рема [Генюшене, 1973, с. 120]. Это подтверждает мысль, что двучленные ПК употребляются не как средство активного членения (такую функцию способны выполнять и неопределенно-личные конструкции), а как средства выделения, подчеркивания имени-объекта (центра высказывания)

и выражения неопределенности, обобщенности имени-субъекта [см. также: Лейкина, 1978].

Как и трехчленные ПК, они могут выполнять т.н. синтаксическую функцию, т.е. употребляться в предложении для сохранения одного подлежащего, напр.: *Dar vasarą mitinge, kurį organizavo naujoji miestelio valdžia, buvo paskelbta, jog Kvedaro sodyba nusavinama ir pereina valstybės žinion* (R. Šavelis).

Иногда такие конструкции приобретают дополнительно модальное значение возможности, ср.: *Taip, viskas buvo suprantama ir lengvai paaiškinama* (R. Šavelis).

Одночленные пассивные конструкции. Сюда мы относим агенсные и безагенсные бесподлежащие ПК. Одночленные ПК употребляются не только от непереходных, но и от переходных глаголов. При образовании данного типа ПК сильное ограничение накладывает семантика субъекта: пассив от этих глаголов употребляется главным образом при субъекте-лице.

Одночленные агенсные и безагенсные ПК составляют примерно 17 % всех ПК в художественных текстах литовского языка. Рассмотрим сначала употребление агенсных ПК. Поскольку сказуемое в таких конструкциях является единственным главным членом предложения, то в них выделено действие и ослаблена роль имени-субъекта на коммуникативном уровне высказывания, так как он выступает в качестве второстепенного члена предложения, ср.: *Juk po teisybei ji mūsų. Mūsų už ją jau dešimteriojai atidirbta* (V. Mykolaitis-Putinas). В этих конструкциях агентивное дополнение предшествует сказуемому. Такой порядок слов наблюдается почти во всех бесподлежащих агенсных ПК (98 %). Имя-субъект не опускается, поскольку его присутствие необходимо информативно, ср.: *Nieko įtartino nerasta, – išpyškino felčeriokas, – Bet jo čia būta* (R. Šavelis).

Кроме определенной стилистической выразительности этим конструкциям присущи некоторые модальные оттенки: ими передаются сомнительные, услышанные от других действия [Lietuvių..., 1971, p. 52]. Но такие конструкции малоупотребительны. Чаще всего с агентивным дополнением встречается глагол *būti*.

Бесподлежащие безагенсные ПК употребляются для выделения действия, безотносительно к его производителю, который часто является неопределенным, обобщенным, напр.: *Jam buvo leista pasirinkti, o pasirenkama tik vieną sykį* (R. Šavelis). Денотативно такие одночленные ПК синонимичны неопределенно-личным конструкциям, но замена не всегда возможна по ряду сложных причин. Употребления последних избегают из-за немаркированности окончания и из-за тенденции опускать подлежащее в определено-личной конструкции. В данном примере неопределенно-личная конструкция может быть понята как определено-личная с эллипсисом подлежащего *jis*. Если субъект одно-

членной ПК можно легко восстановить, то тогда она формально заменима определенно-личной АК, ср.: *Ir tik paskui, kai grįžo... pasiimti bėrio, arnaudžiai nusikeikė – tiek sugaišta laiko!* (R. Šavelis) → *tiek (jis) sugaišo laiko.*

Безагенсные ПК, как бесподлежащие, так и подлежащие, очень часто употребляются в научной литературе для более нейтрального, объективного изложения содержания (т. н. „авторский пассив скромности“), напр.: *Visų šių darbų apžvelgti neįmanoma ir turbūt nebūtina, todėl pasitenkinama čia tik kelių aktualiausių apibrėžimų pateikimu.* Такие конструкции никогда не заменимы на неопределенно-личные АК.

Бесподлежащие ПК употребляются обычно с разными обстоятельствами и дополнениями при косвенно-переходных глаголах. Обстоятельства обычно являются темой конструкций и служат средством связи с контекстом, ср.: *prašlepsi kapines, kuriose jau nebelaidojama* (R. Šavelis).

Иногда одночленные ПК приобретают дополнительный модальный оттенок возможности, ср.: *Tik nesuprantama, kodėl Titas sunerimo, jeigu jis pats tos žinios maldavo* (R. Šavelis).

Таким образом, главной функцией одночленных ПК, как агенсных, так и безагенсных, является выделение действия безотносительно к его объекту. Это делает возможным образование пассива и от интранзитивных глаголов. При одночленных безагенсных ПК эта функция подчеркивания действия сочетается с выражением неопределенности, обобщенности имени субъекта.

Изложенный выше материал позволяет сделать следующие выводы относительно особенностей, сходства и различия в употреблении конструкций процессуального пассива в немецком и литовском языках.

Пассивные формы в сопоставляемых языках маркируют нарушение соответствия субъект–подлежащее. Они являются формальным средством перераспределения имен по синтаксическим позициям.

В немецком языке ПК употребляются в основном как средство актуального членения, т.е. тематизации имени-объекта. Они позволяют пациенс поставить в начало предложения в качестве подлежащего – темы, что соответствует правилам употребления в нейтральном стиле речи.

В литовском языке с его свободным порядком слов ПК употребляются не столько как средство актуального членения предложения, сколько в целях подчеркивания, выделения пациенса как центра высказывания, что является возможным в силу того, что синтаксические позиции неравноценны по смыслу и позиция подлежащего имеет наибольший вес.

Кроме того, в сопоставляемых языках ПК имеют как общие, так и различающиеся функции. Напр., в обоих языках трехчленные и двучленные ПК употребляются в синтаксической функции. В немецком языке трехчленные ПК выполняют морфологическую функцию, что несвойственно литовскому языку. Двучленные ПК выступают в обоих языках как и одночленные безагенные для выражения неопределенности или обобщенности субъекта. Они могут приобретать также некоторые модальные значения. В обоих языках одночленные ПК употребляются, главным образом, для подчеркивания действия, что возможно из-за отсутствия в конструкции другого главного члена предложения. Выделение действия безотносительно к его объекту делает возможным образование одночленных ПК и от интранзитивных глаголов.

DAS FUNKTIONIEREN DES VORGANGSPASSIVS IM DEUTSCHEN UND LITAUISCHEN

Zusammenfassung

Als passivisch gelten die Konstruktionen, in denen die Aufhebung der Entsprechung Subjekt-Agens durch die passive Form des Verbs markiert wird. In dem vorliegenden Artikel wird der Gebrauch der dreigliedrigen, zweigliedrigen und eingliedrigen Passivkonstruktionen im Litauischen und Deutschen behandelt. Er wird durch die Struktur der Konstruktionen und die Struktur der Sprache bestimmt.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Адмони, 1973 — Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка. — Л., 1973.

Бернер, 1962 — Бернер Г. И. Об употреблении трехчленного пассива в современном немецком языке. — Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та, 1962, I, вып. 117.

Бондарко, 1967 — Бондарко А. В. К проблематике функционально-семантических категорий. — ВЯ, 1967, № 2.

Генюшене, 1973 — Генюшене Э. Ш. Пассивные конструкции в литовском языке: Канд. дис. — Вильнюс, 1973.

Гулыга, Шендельс, 1969 — Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. — М., 1969.

Гухман, 1954 — Гухман М. М. Развитие залоговых противопоставлений в древних германских языках и становление системы форм страдательного залога: Докт. дис. — М., 1954.

Драгашова, 1976 — Драганова Г. В. Использование ситуаций при обучении грамматически правильной устной речи в языковом музее (немецкий язык): Автореф. канд. дис. — М., 1976.

Коленько, 1951 — Коленько Е. А. Конструкция sein с причастием II в современном немецком языке: Канд. дис. — М., 1951.

Крушельницкая, 1961 — Крушельницкая К. Г. Сопоставительная грамматика немецкого и русского языков. — М., 1961.

- Лейкина, 1978 — Лейкина Б. М. К проблеме соотношения залога и коммуникативного членения. — В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.
- Озеров, 1971 — Озеров Г. В. Поле пассивности в современном немецком языке: Автореф. канд. дис. — М., 1971.
- Падучева, 1965 — Падучева Е. В. О структуре абзаца. — Труды по знаковым системам. Тарту, 1965, т. 2.
- Холодович, 1979 — Холодович А. А. Проблемы грамматической теории. — Л., 1979.
- Admoni, 1966 — Admoni W. Der deutsche Sprachbau. — Leningrad, 1966.
- Daneš, 1978 — Daneš F. Semantische Struktur des Verbs und das indirekte Passiv im Tschechischen und Deutschen. — In: Satzstruktur und Genus verbi. Berlin, 1976.
- Gabelentz, 1861 — Gabelentz H. C. Über das Passivum. — Leipzig, 1861.
- Geniušienė, Lötsch, 1974 — Geniušienė E., Lötsch K. Das Passiv des Litauischen im Vergleich zu dem des Russischen und Deutschen. — Zeitschrift für Slavistik, 1974, H. 3.
- Helbig, Heinrich, 1972 — Helbig G., Heinrich G. Das Vorgangspassiv. — Leipzig, 1972.
- Jablonskis, 1957 — Jablonskis J. Rinkiniai raštai. — V., 1957, t. 1.
- Jakulienė, 1968 — Jakulienė A. Lietuvių kalbos pasyvo formavimasis ir sangražiniai veiksmažodžiai. — Baltistica, 1968, t. 4(2).
- Lietuvių..., 1971 — Lietuvių kalbos gramatika. Morfologija. — V., 1971, t. 2.
- Paulauskienė 1979 — Paulauskienė A. Gramatinės lietuvių kalbos veiksmažodžių kategorijos. — V., 1979.
- Schmidt, 1967 — Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. — Berlin, 1967.
- Sirtautas, 1970 — Sirtautas V. Dėl pasyvinių formų aktyvinės reikšmės. — Kalbotyra, 1970, t. 21.
- Sližienė, 1974 — Sližienė N. Sudurtinių neveikiamųjų veiksmažodžių formų reikšmės ir vartojimas. — Кн.: Žodžių formos ir jų vartoseną. V., 1974.
- Trempelmann, 1973 — Trempelmann G. Untersuchung zum Passiv und zu Passivsynonymen in der deutschen Gegenwartssprache. Dissertation A. — Potsdam, 1973.

Вильнюсский Государственный
университет им. В. Капсукаса
Кафедра немецкой филологии

Сдано
23 сентября 1979 г.